

«Мы пахали, мы косили, мы нахали, мы Кассили»

Известия - 2005 - 8 июня - с. 14

10 июля исполняется 100 лет со дня рождения классика детской литературы Льва Кассиля. На его книгах «Кондуит и Швамбрания», «Вратарь республики», «Есть на Волге утес» выросло не одно поколение. Накануне юбилея с сыном писателя Владимиром Кассилем встретилась корреспондент «Известий» Наталья Кочеткова.

ИЗВЕСТИЯ: Часто писатели, пишущие веселые книги, в жизни угрюмы, замкнуты, меланхоличны. Каким был Лев Кассиль?

Владимир Кассиль: Он был очень веселым человеком, особенно в молодые годы. Вокруг него все время были люди — они шутили, разыгрывали друг друга, иногда довольно остро, рассказывали друг другу фантастические истории с вытаращенными глазами. Я это все очень хорошо помню. Известна история о том, как то ли в редакции «ЛЕФа», то ли дома у Маяковского шел спор, как назвать рубрику. Маяковский в это время вышел в другую комнату, а Льву Абрамовичу пришла в голову удачная мысль, и он дал название. Все закричали: «Молодец! Молодец!» А Кирсанов сказал: «Одного Кассиля ум одолел консилиум». Лев Абрамович по молодости лет побегал похвастаться Маяковскому, на что тот, ни секунды не думая, произнес: «Мы пахали, мы косили, мы нахали, мы Кассили». Отец, страшно обиженный, вернулся к Кирсанову, а тот ответил: «Не найдя, кого осилить, вы напали на Кассиля». (Смеется.) И это не единственный эпизод, так было постоянно. В нем все время что-то кипело. Если он чем-то увлекался, то с безудержной силой: от коллекционирования авторучек до изучения астрономии.

ИЗВЕСТИЯ: Лев Кассиль писал, что, когда он попал к Маяковскому в журнал «Новый ЛЕФ», тот сильно на него повлиял. Насколько тесным было общение?

Кассиль: Достаточно тесным, учитывая разницу в возрасте — Маяковский был сильно старше. А потом, Маяковский был человеком, который не очень к себе подпускал, не допускал ни амикошества, ни скоропалительной дружбы. Если он дружил, то это было надолго, но и ссорился надолго. Я думаю, сам его характер оказал большое влияние на моего отца, и он часто вспоминал Маяковского и до конца своих дней считал его своим учителем. Это было соприкосновение с абсолютно новым пластом культуры. Если взять журнал «Новый ЛЕФ», то его страшно интересно читать, потому что там публиковались интереснейшие эссе, например спор Шкловского с Львом Толстым по поводу «Войны и мира». В искусство пришло много молодежи. Ведь «левацкий загиб» Маяковского — «Сбросить Пушкина с корабля современности» — во многом носил иронический характер, но он был не зря. И Лев Абрамович попал в эту струю.

ИЗВЕСТИЯ: Тогда он о детской литературе не задумывался — почему в результате решил стать детским писателем?

Кассиль: Не знаю. Он никогда этого не объяснял, хотя при мне ему задавали это вопрос. Он говорил, что дети сами выбрали его книги. Первая его книга «Кондуит и Швамбрания» сразу попала в руки детям. Она подвергалась серьезной критике и много лет была под полужапретом, не переиздавалась, а дети ее сразу охотно принимали. Она же о детстве, об отношениях ребенок — взрослый, ребенок — власть, и, когда перечитываешь «Швамбранию», многие ее страницы абсолютно актуальны.

ИЗВЕСТИЯ: Как он попал в «Известия»?

Кассиль: Я думаю, что по рекомендации либо Маяковского, либо кого-то из его окружения, может быть, Брика.

Этот шарж неизвестного художника всегда висел на стене в кабинете Льва Кассиля

Лев Кассиль. 1930-е годы

Лев Кассиль (в центре) и Эрнест Хемингуэй (справа) разглядывают воронку, оставшуюся от взрыва. В Испании во время войны 1936

Но Маяковский действительно очень настойчиво направил Льва Абрамовича в журналистику. Он писал кучу репортажей, статей, фельетонов. Некоторые из известинских фельетонов имели очень широкий резонанс. Они даже были собраны в книжку под названием «Щепотка Луны» 1937 или 1938 года издания. «Щепотка Луны» — потому что во время одного из своих заданий он подружился с Циолковским. Тот называл его «мой литературный рыцарь», он много писал о Циолковском, переписывался с ним, к сожалению, все письма погибли. И романтическая идея, что можно выйти в космос, долететь до Луны, Льва Абрамовича страшно увлекала. Слава богу, он дожил до момента, когда человек высадился на Луну.

ИЗВЕСТИЯ: При таком графике как он выбирал время, чтобы писать?

Кассиль: Он все время жаловался на нехватку времени. Ведь кроме всего прочего у него еще были выступления. Он очень любил контактировать с детьми, выступал в школах, библиотеках, бог весть где. Я помню, как во время войны они с Агнией Львовной Барто, хотя я был совсем маленьким, взяли меня на выступление, которое проходило в неотапленном зале какого-то большого завода. Все сидели в шубах, а они выходили в пиджаках, платьях. Так поступали и Чуковский, и Михалков, и Маршак. Они все любили общаться с детьми.

ИЗВЕСТИЯ: А меж собой дружили?

Кассиль: С Барто была очень большая дружба, хотя они всю жизнь были на вы. Лев Абрамович называл ее «Бартошенька», они очень часто перезванивались, вместе выступали. Очень дружили с Михалковым на протяжении многих лет, хотя Сергей Владимирович моложе. Они вместе много ездили, написали книгу «Европа — слева!» Отец дружил с Маршакom, но Маршак был старше Льва Абрамовича, так же как и Корней Чуковский, и отец относился к ним с большим пиететом. В дневниках Чуковского он неоднократно упоминается с большой симпатией, хотя далеко не все там поминаются добрыми словами.

ИЗВЕСТИЯ: Судя по «Вратарю республики», «Пекиным бутсам», ваш отец был заядлым футбольным болельщиком...

Кассиль: (Заметно оживляется и, смеясь, продолжает.) Правда. Он до конца своих дней хранил верность одному футбольному клубу — «Спартак». Я помню, был период, когда у «Спартака» были большие сложности, они, кажется, даже вылетели из высшей лиги — это было великое

несчастье. Кроме того, он был комментатором: они начинали вдвоем — Кассиль и Синявский. Он часто ходил на футбол, болел невероятно. Вокруг него сразу начиналось какое-то движение, крики, вопли, завязывались споры с незнакомыми людьми. Это было особое дело — смотреть на отца на трибуне стадиона. Он был знаком со многими футболистами. К нему хорошо относились Всеволод Бобров — еще до того, как он стал хоккеистом, — знаменитый вратарь Лев Яшин. Он помогал футболистам из «Динамо» написать книгу об их поездке в Англию. Она называлась «19:9» — забили 19 голов, пропустили 9.